

Дорога к свету

Зайченко А.С.

Порой бывает интересно и поучительно оценить плоды своих прошлых исканий и очень важных решений, которые изменили твою жизнь кардинально, оценить их с позиций сегодняшнего опыта и сравнить с той оценкой, которую ты давал им много лет назад – вскоре после того, как они произошли. Все-таки интересно узнать, с какой скоростью ты изменяешься и в каком направлении.

Мерцающий свет в темноте

Я родился в семье, в которой не просто не знали Христа, а где любое упоминание о вере находилось под запретом и не столько по убеждениям, сколько из-за наследованного страха - вся родня бабушки была репрессирована, поскольку ее родственники попали в категории белофицеров, белоэмигрантов и кулаков. Она сменила фамилию, переехала в другой регион страны, уничтожила все компрометирующие семейные фотоархивы. Семья осталась без носителей и свидетельств своих духовных и культурных корней, но зато выжила. Поэтому уже мои родители (отец - военно-морской инженер, мать – начальник аптеки воинской части, бабушка – учительница) не имели никакого опыта христианской жизни. На своей памяти я не помню ни одного случая обсуждения в семье вопросов, касающихся веры, Библии, церкви или христианства. И не то чтобы они были отъявленными атеистами, скорее, их можно было назвать агностиками по принуждению: ни ненависти, ни интереса к «уходящим предрассудкам прошлого». В таком положении находилось, по-моему, большинство семей знакомых сверстников, как, впрочем, думаю, всей советской интеллигенции и представителей служилого класса.

Впервые я столкнулся с христианством, когда стал студентом, поступив в институт Народного Хозяйства, через пару лет – в Госуниверситет на филологический факультет (романо-германское отделение), затем продолжил одновременную учебу в двух вузах и

закончил их в один год.

В университете у нас был курс по русской литературе, мы проходили «кавказский цикл» произведений Л.Н. Толстого и должны были их прочесть и обсудить. И вдруг в рассказе «Рубка леса» я наткнулся на странную комбинацию фраз и выражений, архаичных и непонятных. И только прочитав отрывок несколько раз, я понял, что впервые в жизни прочел (и для себя услышал) молитву «Отче Наш», которую я, конечно, узнал по насыщенному присутствию в русском культурном, литературном и историческом наследии. Я тут же выучил ее наизусть, и, пожалуй, с этого начался мой выраженный интерес к христианству и духовности в целом.

После окончания института и университета я в качестве офицера был отправлен в служебную командировку по линии Министерства обороны СССР в Сирию, где служил военным советником. Вокруг меня были многочисленные свидетельства исторического и живого христианства, но поиски истины меня не захватили, например, мне в голову тогда не пришло купить Библию на русском языке, а такая возможность была, о чем позже я очень жалел. Волею судеб я стал свидетелем Арабо-израильского конфликта, известного как «шестидневная война 1966 г.». Аэродром, на котором я служил, подвергся многократным бомбардировкам, но Бог миловал – я остался лишь свидетелем чужих страданий.

После возвращения домой (мне было уже 24 года) стремление к профессиональному и карьерному росту стало преобладающим мотивом моих дальнейших планов. Бога и религию я продолжал считать привилегией и утешением маргинальных классов и неудачников. Интерес к Библии и христианству сохранялся, но он оставался, скорее, на периферии моих устремлений.

Я поступил в очную аспирантуру Научно-исследовательского экономического института при Госплане СССР, окончил ее и в 1972 г. защитил кандидатскую диссертацию и стал научным сотрудником этого же института. К этому времени я уже много знал об историческом христианстве, о роли Реформации в становлении европейской цивилизации, но особенно сильное впечатление на меня оказало осознание той удивительной роли, которую сыграли нравственные ценности христианства в формировании поведенческих норм

и установок многих поколений людей, в том числе в быту, семье, производстве, общественной жизни.

В начале пути

Постепенно мои поиски истины приобрели более целенаправленный характер, я начал искать не просто смысл жизни. Скажу откровенно, это было трудно, но я понимал, что мне нужны не просто ответы на вопросы, а твердые ценности и убеждения, то есть вера, в основе которой находится Сам Бог. При этом в духовном смысле я в первые годы был совершенно одинок: мне были недоступны ни верующие, ни их церкви, ни христианская литература, ни Библия. Намного позже я понял, что если находишься вне культурного, личного, человеческого христианского контекста, «вне темы», очень трудно найти дверь к Богу. Да, путь к Богу лежит через Христа, но я не знал ни дороги ко Христу, ни даже к Библии. Просто так, «с улицы», опираясь на один интерес, «войти в веру» было невозможно. Но периферийность духовных интересов тогда меня устраивала, она позволяла полностью посвятить себя работе и карьере, не оставляя времени ни на какие другие интересы: к 27 годам я закончил два института, побывал в длительной заграничной командировке, поступил в аспирантуру (по профилю своих двух вузовских дипломов), защитил в срок кандидатскую диссертацию и работал в престижном институте (НИЭИ Госплана СССР) по профилю своих научных интересов. Духовные поиски продолжались, но я не считал, что нахожусь в тупике.

В 1981 г. мой близкий друг и однокурсник по университету, зная о моих исканиях, привез мне из Швейцарии Библию карманного формата. Помню, я спросил у него: «Книга такая объемная и такая сложно структурная. Откуда лучше начинать ее читать: с начала, с середины или с конца»? На что приятель отвечал, что он и сам не знает. После некоторых филологических обсуждений мы пришли к выводу, что стоит попробовать «с середины». «Середина» Библии оказалась для меня Новым Заветом, а вернее, Евангелием от Матфея. Я настроился читать очень внимательно, не пропуская ни буквы, пытаюсь размышлять над каждым предложением. Но по мере того, как я пытался вчитаться в этот текст, мною овладевало чувство

неудовлетворенности и даже досады. Вместо Божественного откровения – необходимость читать одно за другим названия десятков колен Израиля, кто кого родил. Но к этому времени я уже испытал горечь разочарований от быстрых и жестких решений, а мои ожидания относительно новых открытий в этой Книге были безмерными, поэтому я решил быть терпеливым. К тому же, как ученый, я был склонен к аналитическому и системному подходу и ожидал действительных откровений от дальнейшего ее прочтения. Так я добрался до Нагорной проповеди и впервые ощутил живую теплоту от встречи с человеком, которого я так давно искал, я испытывал радость от слов и мыслей, которые хотя и были мне незнакомы, но сразу находили отклик в сердце. И самое главное – я нашел ответы на многие свои вопросы о смысле жизни, не облекая их в точные словесные формулировки. И этим Человеком был Иисус Христос.

Через Него, а не при помощи придуманных «духовных» построений, моих знаний, Бог стал живым, заговорил со мной через тексты Писания, мои молитвы и размышления. Дверь «в веру» открылась. Именно через Христа я вступил в постоянный диалог со Своим Творцом не только по мировоззренческим вопросам бытия, но по насущным проблемам моей текущей жизни. Продолжая читать евангелие Матфея, в 6 главе я вдруг встретил своего «старого знакомого» из студенческой молодости - молитву «Отче Наш», которую когда-то выучил из рассказов Льва Толстого. Радость от этой встречи после такого большого промежутка времени и значительных изменений в моей жизни была очень волнующей и обнадеживающей.

Дверь приоткрылась

Прошло несколько лет. Карьера продолжалась, в это время я уже работал старшим научным сотрудником в Институте США и Канады Академии Наук, оставаясь единственным не коммунистом в этой должности. Женился, у нас родились двое детей. Мы стали изучать Библию вместе с женой. Очень многое в ней оставалось непонятным, а то, что я считал очевидным, как оказалось позже, было совершенно неверным.

Вторым источником знаний об особых отношениях между Богом и человеком, о духовной и социальной практике стала для меня из-

вестная работа немецкого социолога Макса Вебера «Протестантская этика и дух капитализма». Надо сказать, Господь уже основательно подготовил меня к этой книге: во-первых, мной был уже накоплен определенный багаж знаний по истории и культуре, нравственным ценностям христианства, у меня уже была Библия, которую я регулярно читал, во мне сложился сильный и вполне адресный запрос на новые духовные открытия. Я жаждал узнать, как Бог являет себя не только в церкви и в семье, но и в политике, экономике, труде, общественной жизни, производственной и общественной деятельности. И эта, прекрасная по богатству мыслей, уникальная книга стала ответом на мой запрос.

Само ее название было провоцирующим, кроте того, за ней, как и за ее автором, М. Вебером, тянулся шлейф всемирной известности – на Западе книга считалась современным и адекватным ответом Карлу Марксу, его формуле «бытие определяет сознание» (то есть производительные силы и производственные отношения общества формируют все стороны человека, в том числе его духовные и культурные запросы). Конечно, это был и прямой идеологический вызов коммунизму. Поэтому я страстно желал найти эту книгу, которая, по всей видимости, отвечала моим антикоммунистическим ожиданиям и, что особенно важно, моим духовным запросам. Но я очень долго не мог ее найти, книги не было ни в открытой продаже, ни в самых крупных научных библиотеках. И тут я сообразил, что наверняка она будет в фондах специального хранения Библиотеки им. Ленина (самой крупной библиотеки СССР). В такие фонды государство разрешало допуск только научным сотрудникам, чей исследовательский профиль строго соответствовал тематике публикаций, они состояли из зарубежных или дореволюционных публикаций, которые советская цензура считала опасными из-за их антисоветской направленности. Эта работа попадала под запрет сразу по двум статьям: по политической - развенчание марксистского тезиса о первичности бытия и по идеологической – христианство, заклятый соперник коммунизма в борьбе за монополию господства над сознанием и душами людей, вдруг в этом произведении заявило свои претензии на главную роль в формировании нравственных и мотивированных работников, эффективной экономики и даже современной науки.

Оказалось, что вера в Бога способна производить целые массивы реального блага не только в отдельных людях, но и в целых народах. Кроме того, родина этого чуда оказалась в США – главном стратегическом противнике СССР. А это вообще настоящая идеологическая диверсия против советской власти.

Но эту проблему я решил быстро: достал письмо в ученом совете своего института о том, что тема моих исследований требует ознакомления с работами именно этого произведения. Затем принес его в администрацию спецхрана Библиотеки – и все, книга в моих руках, правда, читать ее можно только в зале под неусыпным оком спецбиблиотекаря.

В чем оказалось для меня величие и очарование этой книги: Вебер обратился к одной из библейских доктрин великих реформаторов о том, что труд и профессия - это не только средства к существованию, но и «призвание», призыв со стороны Бога, который человек должен оправдать высокими результатами своей деятельности, труда на производстве и даже в быту. По сути Библия призывает к труду не ради хлеба насущного, а ради Бога.

Далее Вебер утверждает, что верующий человек нуждается в непрерывном свидетельстве, тогда он на верном пути и правильно понимает руководство со стороны Бога (наличие божье благодати). И главным ее признаком в человеке служит как раз стремление к труду, полезной деятельности, но только той, которая производит максимальный эффект, то есть новые товары и услуги. Этот успех в конечном счете воплощается в росте доходов: зарплаты, прибыли дивидендов и пр.

Но результаты труда - это еще не все, важно не только произвести новые блага, нужно сохранить их от ненужного проедания, «паразитического потребления». Это преодолевается как мирским аскетизмом в быту, так и мудрым инвестированием прибавочного продукта в дальнейшее развитие производства, чтобы создавать рабочие места для таких же верующих, а также оказывать благотворительность настоящим нуждающимся. Итак, если верующий демонстрирует своим трудом такой успех – значит он приумножает Божью славу, угоден Богу и спасен, нет – он обречен на вечную гибель. Именно таким образом новая протестантская этика превращается в «дух ка-

питализма». Конечно, такой капитализм сегодня уже ушел из нашей жизни, он искажен жадностью, гордостью и другими пороками человека, но сама схема работает, принципы и ценности протестантизма доказали свою жизненность.

Это меня воодушевило, и я сразу бросился искать аналоги таких норм поведения в истории России и, к своему удивлению, вскоре нашел их. Оказывается, на уровне небольших общин верующих старообрядцев, духоборов, молокан таких примеров было множество. Они даже зафиксированы в русской литературе и поэзии. Здесь все было как у веберовских протестантов: Библия на первом месте, непрерывное стремление к самоутверждению перед Богом и окружающим враждебным православным миром, акцент на упорный труд, проистекающее из этого благосостояние, широкое вовлечение в предпринимательство, а затем благотворительство. Единственно, что было другим – отсутствие кальвинистского догмата предизбрания ко спасению и, конечно, массовость этого явления на Западе, особенно в Америке. Но что самое удивительное, подобные примеры я нашел в советское время в евангельских и баптистских общинах «Гефсимания» и «Вифания» в 20-х годах прошлого столетия. Позже я опубликовал несколько материалов на эту тему в центральных научных журналах страны. В старообрядчество и молоканство я идти не собирался, но по поводу баптистов задумался всерьез.

Какие выводы из этого труда я сделал для себя

Прежде всего схема Вебера была беспредельно далека от реальностей мира, в котором я жил: поголовно неверующее население, где христианство считалось не просто архаичным заблуждением, а идеологическим преступлением, принадлежность к нему была открытым препятствием к карьере и даже свободе. И тем не менее эта книга оказалась для меня, по существу, сборником целеуказаний, конкретных рекомендаций и советов, которые лично мне были очень близки по духовным ориентациям, исканиям и реальному жизненному опыту.

Вебер, применив историко-социологический метод, в частности, прием «идеальных типов», по сути, вскрыл явления работы Духа Святого в возрожденной личности, выбравшей путь личного освя-

щения не столько в церковных ритуалах, прославлениях, просто в церковном служении, сколько в труде, посвященном Богу.

Несмотря на то, что М. Вебер как ученый-социолог и неверующий человек (я долго в это не мог поверить) сводит действия спасающей и освящающей благодати Христа к социологическим законам, он, по сути, подтвердил один их главных тезисов Реформации: освящаться можно и нужно не только через духовные и нравственные поступки, не только в церкви, но и дома, на работе, через труд, профессиональную деятельность.

В итоге он делает вывод о том, что общественные поступки и экономическое поведение людей, их интересы рассматриваются как производные от духовных ценностей веры, а не наоборот, как утверждала официальная советская идеология. Для меня, с моим постоянным латентным чувством протеста к существующему строю, то было особенно отраднo.

Я впервые получил стройную, логическую систему, которая воедино связывала целый ряд христианских доктрин с абстрактными и вполне реальными экономическими, производственными, идеологическими, моральными ценностями и проблемами как отдельного человека, так и целого общественного строя – всем тем, что окружало меня на работе и дома. Позже я нашел продолжение этих идей в других публикациях и трудах, но эта работа Вебера была первой.

Труд Вебера красиво и логично объяснял присутствие Божьего и святого в обычной жизни, в труде, а самое главное, в успехе. В моем максимализме искателя истины мне показались прекрасными утверждения типа «верующий не кается в грехе, он его ненавидит и стремится преодолеть делами своими во славу Божию» или «Бог от своих избранных ожидал не изолированных проявлений "добрых дел", а святости, возведенной в систему, вписанную в повседневный труд и быт». Еще раз повторяю, этот санкционированный с Неба активизм меня вдохновлял, поскольку очень соответствовал моей тяге к успеху, достижениям.

В этом произведении я нашел для себя подтверждение сугубо личных ценностей и ориентаций, которые были частью моей природы и даже биографии:

- тезис о мирской аскезе тоже был очень близок мне и по духу, и

по реальной практике жизни. Мне было 11 лет, когда умер отец, все студенческие аспирантские годы я провел в общежитиях и на квартирах, живя на стипендию и подрабатывая во внеучебное время. В период чтения этой книги я с женой и двумя детьми уже несколько лет проживал в одной комнате коммунальной квартиры;

- стремление к святости – одно из центральных положений модели Вебера. В то время о святости я не имел никакого представления, (кстати, я его не заметил позже и в наших церквах), но сам вектор этой ценности мне был всегда близок: в нравственном плане и на работе я всегда стремился к совершенству, хотя, конечно, не всегда в этом преуспевал;

- «великая коммунистическая идея» о первенстве материи и бытия в моих глазах была унижена до статуса банального умозрительного заблуждения, которое коммунисты цинично и изощренно использовали для захвата власти и удержания режима тотального подавления личности;

- наконец, самое главное – через освящение человека в быту и труде происходит возвращение человека к Богу, и это подтверждается успехами в труде и карьере. Я очень много тогда не понимал в действии Божьей спасающей благодати, но для себя уяснил, что через эту книгу получил личное подтверждение особой связи с Богом.

В стремлении представить себя в роли сопричастника этих идей, близости к главному объекту этой книги (верующий, посвятивший себя служению Богу через труд), более того, идя вслед за неверующим автором книги, я пришел к выводу, что именно труд, а не церковные службы или созерцания обладают высокой ценностью, поэтому пока можно обойтись и без церковной общины и наставников, тем более их все равно нет на горизонте.

Как Библия стала путеводителем

Но Библия, ее изучение все равно оставались на первом месте. Тут возникли новые препятствия. Библия написана на устаревшем русском языке, толкование ее многих мест требует специальных знаний и подготовки. Поэтому, хотя старые вопросы ушли, пришли новые. Однако вокруг меня не было никого, кто бы мог дать совет или разъяснение. Тогда в поисках новых ответов я обратился к един-

ственному известному мне источнику информации о церквах, верованиях и религиях в Советском Союзе – атеистической литературе. В каждом крупном книжном магазине имелся специальный раздел атеистической литературы. Там можно было найти почти все: сведения о доктринах, истории церкви, конфессиональных особенностях, обрядах и обычаях, цифры о демографическом и социальном составе верующих церквей и пр. Конечно, в этих книгах было много лжи и клеветы на верующих, но я, как и многие скрытные оппоненты советской власти того времени, хорошо овладел искусством чтения «между строк». В этих публикациях с избытком давались выводы и рекомендации для сотрудников атеистической пропаганды.

Помню смысл одной из таких рекомендаций: «Товарищи, особое внимание уделяйте вновь уверовавшим или сомневающимся. Они еще не утвердились в своих религиозных предрассудках, и если вы окружите их вниманием, сможете вовлечь их в общественную, культурную и спортивную жизнь по месту работы, учебы или проживания, их можно будет вернуть в наше советское, материалистическое мировоззрение. При этом особую идеологическую опасность представляют пасторы и активисты церквей. Необходимо предпринять все усилия для изоляции новичков от влияния этих лиц». Для себя среди строк этих рекомендаций я уяснил одно: если ты уверовал, окружающий мир тебя в покое не оставит.

Итак, для того, чтобы не отпасть от Христа, мне надо найти верующих, пасторов и, наконец, церковь. Но какую церковь? Я вновь обратился к атеистическим исследованиям и обнаружил, что в Советском Союзе в то время официальными считались православная, католическая, баптистская, пятидесятническая и адвентистская церкви. Какую выбрать? Поскольку самих верующих я расспросить не мог, то стал подбирать соответствующую атеистическую литературу. За год таких исследований я собрал большой материал по истории возникновения, основным доктринам, социальному составу каждой из этих церквей и пришел к выводу, что в российских условиях баптизм в наибольшей степени отвечает главным библейским принципам. Он находится, как сегодня говорят, в мейнстриме Библейского учения. Поэтому я выбрал баптистскую церковь и стал баптистом, ни разу при этом не видя живого баптиста.

Я осознавал, что для того, чтобы сохранить веру и находить нужные ответы на мои извечные вопросы, я должен найти свою церковь, собратьев по вере, иначе, как утверждали атеисты в своих исследованиях, мы с женой можем быстро вернуться в прежнее состояние неверия. Поэтому следующая задача передо была ясна: надо найти баптистскую церковь. Но это оказалось совсем нелегко в условиях почти полной социальной и фактической изоляции протестантских общин, особенно в Москве. Тогда мы с женой решили - раз мы не можем прийти в церковь, церковь сама придет к нам в дом. Мы создали домашнюю церковь из нас двоих. Себя я назначил пастором, а жену - рядовым членом, на что получил ее согласие.

Начитавшись исторических книг и журналов, а также литературы по антирелигиозной пропаганде, я уяснил для себя, что пасторство – это не очень обременительное служение. Из публикаций я узнал, что прежде всего надо уметь проповедовать. Что такое проповедь я немного знал. И здесь надо отметить то огромное значение, которое в моем духовном росте имело зарубежное христианское радио. Мне иногда удавалось прослушивать аналитические передачи и даже целые церковные службы Трансмирового Радио, Голоса Америки, Свободы, Би-Би-Си. Это были волнующие встречи с невидимыми братьями по духу. Мы часто с женой стояли около радиоприемника, представляя себе, что находимся на службе в церкви. Очень часто такие передачи заглушались, но мы продолжали слушать этот шум до конца передачи, как озвученное свидетельство страха наших властей перед незнающей границ силой Божьей благой вести.

Как правило, готовясь к проповеди, я брал основной Библейский текст и готовил к нему свой комментарий, приводя примеры из современной жизни. Только сейчас я осознаю, сколько много ереси мне пришлось высказать тогда в своей домашней церкви. Так продолжалось долгих семь лет.

Дверь открывается

В июне 1985 г. я был послан в научную командировку в Таллин, где обнаружил множество действующих протестантских церквей. Долго не раздумывая, я зашел в первую из них попавшуюся. Впервые в своей жизни я мог быть на настоящей службе, молиться, петь

со своими собратьями, и хотя по эстонски я не понимал ни слова, ощущение переполнявшей меня радости, смешанной с традиционным страхом быть разоблаченным, было необычайно острым. Вслед за этой я посетил вторую, третью и последующие церкви центра Таллина. Из трех дней командировки я ни минуты не пробыл на своей конференции, все мое время было отдано посещению протестантских служб.

Я вернулся в Москву, преисполненный чувства небывалой радости и духовного подъема. Моим первым желанием было: «Будь таким же настойчивым и смелым в Москве, как в Таллине. Пойди и найди свою церковь».

Сделать это было нелегко: в советскую эпоху в громадном мегаполисе власти оставили открытой всего одну церковь, в адресной книге ее не было, справок о ее нахождении найти было нельзя. Ценой многочисленных ухищрений, которые сами по себе напоминали детективную историю, мне в конце концов удалось ее найти.

Полгода мы приглядывались к окружающим и особенно к пасторам. Хотелось выбрать того, кому можно было довериться и раскрыть ему свои тайны и при этом «не подставиться». С моим знанием английского языка я много об этом слышал по радио и читал. Наконец, мы остановились на кандидатуре Ивана Семеновича, чудесном и боговдохновенном проповеднике (между прочим, заместителе главного секретаря ВСЕХБ). Как-то после службы, когда он медленно шел к выходу, я протиснулся через толпу окружающих и обратился к нему с просьбой поговорить наедине. Он мгновенно отреагировал и пригласил к себе в офис на второй этаж. Пастор закрыл дверь на ключ, заблокировал телефон карандашом и, обратившись ко мне, спросил: «Что Вы мне хотели сообщить?» Я решил сразу взять быка за рога: «Уже полгода как мы с женой посещаем вашу церковь. Несколько лет я регулярно читаю Библию и считаю себя христианином. И мы хотим быть с вами». «Кто Вы? Где работаете?» - спросил он. - О, да вы работаете в таком элитном институте? Вы, наверное, член партии?» - «Нет, - попробовал оправдаться я, - никогда не состоял в партии. Но хочу стать членом вашей общины. Я так долго искал вас». Мы еще немного поговорили. «Хорошо, – попытокжил Иван Семенович, - давайте встанем на колени и помолимся. Я

уверен, что Господь услышит Вашу просьбу. И я знаю, Он простит вас, если вы – коммунист, и простит меня, если я слишком подозрителен». Мы помолились. Потом, поднявшись, расцеловались.

Иван Семенович тут же подарил мне большую Библию (чтение моей Библии карманного формата становилось все более трудным для моего и без того слабого зрения), много других чудесных христианских книг. Он стал моим первым и лучшим другом, наставником, учителем. Регулярно он вместе с супругой Ниной Николаевной (иногда дочерью Верой) посещал нас дома. Часто и мы бывали у них дома, в Перловке. Иван Семенович обладал удивительным даром душепопечительства, его объяснения моих многочисленных вопросов были очень тактичными по форме и глубокими по содержанию. Он часто давал советы как вести себя осторожно в протестантской церкви. Он не говорил, кого надо опасаться, он просто назвал всего несколько имен, с кем можно было безопасно вести духовные беседы в самой церкви.

Еще через полгода Он сказал мне: «Вы с женой вполне созрели для принятия крещения. Но где же вас крестить? В центральной церкви невозможно. Там все под присмотром спецслужб. Работу в институте из-за крещения вам не стоит терять. Господь даст нам мудрость решить эту проблему». Мы стали молиться, и Бог ответил. Сначала был вариант креститься вдали, в Ленинграде, где когда-то Иван Семенович нес служение и где у него было много знакомых. Но каждый раз возникали препятствия. В это время я с женой и двумя маленькими детьми проживал в одной комнате коммунальной квартиры. Поскольку мои жилищные условия были наихудшими среди сотрудников института США и Канады, я был единственным очередником, а молитвы были усердными, мы через восемь месяцев вхождения в церковь получили прекрасную трехкомнатную квартиру. Иван Семенович отреагировал сразу: «Аллилуйя! Бог послал место, где креститься». 7 сентября 1986 г. я и моя жена были крещены в ванне нашей новой квартиры. Свидетелей было двое: его супруга, Нина Николаевна, и их дочь, Вера (Кадаева). Я помню, как мы закрывали окна и входные двери новой квартиры одеялами. Дом был элитный, совминовский и абсолютно все соседи были коммунистами, людьми с номенклатурными должностями. А нам надо было

петь и молиться. После крещения Иван Семенович сказал мне: «Теперь вы действительно стали членом нашей большой Божьей семьи. Но советую продолжать вести себя осторожно на собраниях верующих. Ваше время еще придет».

И время пришло. В стране наступила перестройка. Мои статьи и аналитические материалы стали востребованы в самых высших эшелонах власти. Они стали публиковаться в десятках советских и зарубежных изданиях. Летом 1989 г. меня пригласили работать в Совет Министров СССР. Собеседование я проходил в отделе кадров СовМина за кремлевской стеной. В конце беседы заведующий, улыбаясь, поздравил меня: «Вы должны быть благодарны судьбе. Вы первый за всю историю СовМина СССР служащий-некоммунист». А я подумал в тот момент: «Ты не был таким радостным, если бы узнал, что перед тобой еще и баптист».

Работа в Совете Министров была очень интересной, мы пытались закладывать основы новой, демократической страны, в том числе в сфере рыночных отношений. Меня регулярно приглашали на круглые столы, встречи, интервью, в том числе на телевидение. Я помню одно такое интервью в конце декабря 1990 г. на канале московского телевидения. Ведущая задавала обычные вопросы о проводимых и предполагаемых экономических реформах. И вдруг следует неожиданный вопрос: «Товарищ Зайченко, а вы – христианин?» Много мыслей замелькало у меня в голове: «Это провокация? Кто меня выдал? Что отвечать, ведь в тюрьмах еще томятся узники совести! Что будет с работой в правительстве?» Ведущая выжидающе и все более нетерпеливо смотрит на меня, ведь эфир прямой. Я снова мысленно помолился: «Господь, помоги мне здесь и сейчас». И сразу после этого я отвечаю: «Да, я – христианин». Тут мгновенно следует следующий вопрос: «А вы не боитесь, что завтра вас уволят из правительства?» – «Нет, сейчас уже не боюсь» - «Как Вы можете совмещать высокопрофессиональную работу эксперта с христианскими предрассудками?». И тут я почувствовал себя в своей тарелке, я вспомнил Макса Вебера и его «Протестантскую этику» и начал излагать свои соображения относительно исторической роли христианства, христианской этики, веры как фундамента доверия, на котором строится эффективное общество, экономика и предприни-

мательство. «Это так необычно», - протянула ведущая и закончила передачу. Наутро, когда я появился у себя на работе в Совете Министров, я встретил несколько своих коллег. При моем появлении они умолкли и выжидающе посмотрели на меня. Один из них, как бы извиняя меня, обратился к остальным: «Конечно, это была его оговорка». Другой, развивая тему, заявил: «Да нет же. Это все трюки телерепортеров, они ненавидят нас, центральную исполнительную власть, и с помощью трюков и монтажа могут подстроить все, что угодно». Третий напрямик обратился ко мне: «Вчера мы смотрели твоё выступление, и ведущая представила тебя как христианина. Скажи нам, ты что, верующий?» Теперь уже без всяких колебаний я ответил: «Да, я – христианин». Реакция была показательной. Старые работники шарахнулись от меня как от источника страшной опасности. В своей жизни они часто были свидетелями того, что быть даже не на стороне, а просто рядом с потенциальным «врагом народа» опасно для карьеры и даже жизни. Они чуть ли не бегом удались от меня, а позже избегали встречи со мной. Более молодые проявляли разнообразный интерес: задавали вопросы, делились своими впечатлениями о церковно-религиозной жизни. Некоторые из моих коллег в тот же вечер попросили дать им Библию. В течение года мне удалось в стенах Совета Министров раздать свыше 30 Библий.

По совету Ивана Семеновича я оставался «закрытым» и посещал церковь не в Москве, а в Московской области. Служение все больше захватывало меня. К этому времени я стал членом первой подпольной редколлегии газеты «Протестант», учредителем вместе с Александром Менем и Аверинцевым Российского Библейского общества, членом первой группы «Гедеон», президентом Ассоциации христиан предпринимателей.

Наступил 1991 год, а с ним возможность окончательно выйти из подполья. Главным в своем служении я считал и считаю дать возможность российским лидерам, занятым в государственных органах власти, науке, бизнесе, услышать и принять Благоую весть, дать им шанс принять Иисуса Христа, шанс, которым в своих поисках когда-то воспользовался я сам.